

18+

**ЧУДНАЯ
КНИГА
~~СЕРГЕЙ~~
~~СТЕПАНОВ~~**

Сергей Степанов

Чудная книга

<https://litres.ru/74148224>

ISBN 9785006997165

Аннотация

Сборник Сергея Степанова «Чудная книга» — это размышления поэта о времени и человеке, об окружающей реальности и о самом себе. Вдохновенный монолог мастера слова, обращенный к вдумчивому, мыслящему современнику, чувствующему во всей, порой исполненной драматизма полноте разнообразие стремительно меняющегося мира. Стихи Сергея Степанова вовлекают в раздумья о сущности и ценности Бытия, непреложности истины, торжестве совести, открывая внутреннему взору новые горизонты.

Поэзия как чудо!.. Читаем.

Содержание

Чудная книга	5
Сергей Степанов	5
«Мои ночи прекраснее ваших дней...»	6
«Ты вновь до нитки вымокла, весна!...»	7
«Вид на небо, вам скажу, просторный самый ...»	8
«В белом смокинге, под парами...»	10
«Вечер лезвием вонзился под ребро...»	12
«Пророкам ли присуща ясность взгляда...»	13
«Ах, грудь обвислая, тебя ли я люблю!...»	15
«Я уйду от вас, просветлённый...»	16
«Как усталы — взглядишь! — силуэты людей...»	17
«На сломе судеб и эпох не так уж плох...»	18
«Следы полуулыбки зыбки...»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Чудная книга

Сергей Степанов

© Сергей Степанов, 2026

ISBN 978-5-0069-9716-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чудная книга

Сергей Степанов

Copyright © 2015 Степанов С.

[Контакты автора: официальный сайт.](#)

Пожалуйста, не забудьте оставить свой отзыв о прочитанной книге в Интернет-магазине.

«Мои ночи прекраснее ваших дней...»

Мои ночи прекраснее ваших дней.
Я свободен в них, словно птица,
устремившаяся от Пиренеев
в долину Роны — воды напиться.

И крыла мои так туги!..
В синь взмывая над облаками
суеты, недоступен я вам — враги
и друзья, что забылись снами.

И забились в скорлупы трескучих дней,
в норы давних своих привычек,
предпочтя небесам духоту церквей,
а простору фраз — тесноту кавычек.

Пусть обрушен извечный порядок вещей,
и полет мой к истокам едва ль продлится, —
мои ночи прекраснее ваших дней
потому хотя б, что не вижу лиц я.

«Ты вновь до нитки вымокла, весна!..»

Ты вновь до нитки вымокла, весна!..
Сна нет как нет. И, видимо, не будет.
И неизбежно выпаденье дна —
дань ржавчине, изъевшей остов судеб.

И дальше — пропасть. В ней пропасть бы... Лопать
Времён всё перемелет. И в подарок
оставит будущему лишь свечной огарок,
внушая уважение и робость...

Вновь дебоширит май! И гром, как крепкий ром,
дурманит головы. И дождь мотыжит землю,
ненужный на небе. И всполошён в крик дом.
И молниям, как озаренью, внемлю

я — неизменный зритель твой, гроза!..
Но в страхе роза жмётся у беседки —
к плетению приникла, вся в слезах.
Сняв кепи, низко кланяюсь соседке.

«Вид на небо, вам скажу, просторный самый ...»

Вид на небо, вам скажу, просторный самый —
не с вершин, а из глубин мятежных душ.
Вот бы вечно наслаждаться панорамой!..
Так и лезет на глаза зеркальность луж,

а в них куполом изогнутое небо,
солнце яблоком! Ну, разве не чудесно...
Может быть, и я желал служить бы Фебом,
только место это занято железно.

Застывает взгляд на некогда начертанных
Богом в приступе величья силуэтах —
от глазниц до горизонта всё исчерпано!..
И незнаемое — в нас, но не в предметах.

Человечество впустить бы гостем в душу,
по старинке закатить пиры до неба!..
Да опаска есть, что обтрясут, как грушу:
так жульё гребёт на огонёк вертепа...

Влезут в окна, а не в двери, — выбьют стёкла,
изрисуют матом стены. И в руины
превратят недавний храм. Душа издрогла,
представляя неизбежные картины.

«В белом смокинге, под парами...»

В белом смокинге, под парами,
выхожу за порог жилища —
в жизнь, расталкивая локтями
расплодившиеся тыщи
лиц, снующих, себя ища.
Нам столкнуться нос к носу,
по любому вопросу,
и держись-ка на троне, Господи, —
береги небеса от копоты:
жди безжалостного побоища!..

Пусть из города светофоры
вытесняют жизнь на окраины,
среди чахлых побегов флоры
я один — представитель фауны —
кораблём плыву в красной бабочке,
с личным ангелом на плече.
В парусиновых — ретро! — тапочках, —
свеж, удачлив и жизнерадостен,
с папироской во рту, благостной
белозубой улыбкой, и вообще...

Встречным дамочкам впасть бы в обморок —
видят статного жеребца!..

Но трещат, сбившись стайкой сорок,
да прожекторы взглядов бьют пониже лица...

Дескать, вот бы с ним нынче вечером,
мне б такого же мужичка...

Но до вечера делать нечего.

В этом смокинге, человечиной
непутёвым, на счастье венчанным,
я на солнышко вышел — испить пивка!..

«Вечер лезвием вонзился под ребро...»

Вечер лезвием вонзился под ребро
и пронзает болью ощущений...

За окном горячим серебром
проливается Луна, сминая тени
на стене... Стенает ли февраль
или август шлёт душе удушье,
Бытия божественный Грааль
возношу я. И небрежно тушью
вывожу ль что, порчу ль полотно
или кляксы множу, будто лужи...

Вечер лезвием вонзился под ребро.
И обмяк, жалея душу вчуже.

«Пророкам ли присуща ясность взгляда...»

Пророкам ли присуща ясность взгляда...
Врата раскрыты, и не только ада.
И «да» и «нет» — извечная преграда.
И победителя ли ждёт награда...

Да, нет надежд. Как нет и ожиданий.
И дань судьбе — сидеть на чемодане
и день оплакивать. Переизданий
не знает жизнь, издав тираж страданий...

Да не иссякнет вечное ничто!..
Ничтожество проносится в ландо,
на мир взирая в меховом манто, —
давно на ладан дышит шапито...

Шипит шампанское гюрзой в бокале.
«Алле!..» — звенит удар хлыста в финале.
Вуаль отброшена. И вертикали
в скандале валяются в горизонтали.

В опале все. Прожитое избыто.
Из быта, словно ржавое корыто,
исторгнуто и напрочь позабыто
божественное. Дверь полуоткрыта —

костры горят. И освящают ложе,
уже последнее. Одно и то же —
жетон судьбы, и вот уж на рогоже
в погожий день выносит, кто моложе.

«Ах, грудь обвислая, тебя ли я люблю!..»

Ах, грудь обвислая, тебя ли я люблю!..
Взаправду ли блесит осколок неба...
Иль небожители, призвав на помощь Феба,
блефуют, мне являя жизнь мою.

Маячит ли что-либо в океане
неочевидного... А может, кораблю
причал лишь мнится в утреннем тумане.
Ах, дева милая, тебя ли я люблю!..

«Я уйду от вас, просветлённый...»

Я уйду от вас, просветлённый.
Сожалеть ли, казнитья горько,
что — не узанный, не прочтённый...
Я поэт, скоморох, и только!
Книжный червь и пьянчужка... Вряд ли
есть под солнцем, хотя б один,
сознающий, насколько дряблы
наши мускулы. Господин
всего сущего, милый Боженька!
Ты прости нам бездумность дней...
И бессовестность, что легошенька
нашим душенькам. Набекрень
носим кепи сует мы, Господи.
И, поди, надоели уж
наши лица: их шрамы, оспины
и гримасы... Безликость луж,
стекленеющих ранним утром
в ноябре, заметёт зима —
вмиг залепит глазницы пудрой.
Так стирает следы она.

«Как усталы — взглядишь! — силуэты людей...»

Как усталы — взглядишь! — силуэты людей:
будто только прознали, чем жизнь обернётся...
И никто, как закатный пожар, не ворвётся —
протрубить в алый горн на груди площадей
о любви или том, что ведёт к пониманию
этой мании — жить и дышать без причины.
Все претензии могут быть лишь к мирозданию,
разродившемуся птенцом ранимым.
И казнить ли тем, что всё так бесполезно...
Так бесплодно — бродить по лесам одичалым
человеком, не знающим ни начала,
ни конца одиночеству. Где-то бездна
затаилась и ждёт. Да, признаться, и рад я...
Дали меркнут в ночи. И ужасна ты, близость
неизбежного. И досаждают армады,
обнаруживающие общность и низость
жадных помыслов и то ли душ побуждений,
то ли просто пристрастий к обжорству и лени.
Под закатный пожар угасает жизнь — тени
языками метут ступени.

«На сломе судеб и эпох не так уж плох...»

На сломе судеб и эпох не так уж плох,
душа, твой выбор — клясть себя, не Бога,
когда так горько всё, и стоптанный сапог
тщеты, подлец, натёр до крови ногу.

О, горе мне! О, горе, горе, горе...
Горе Афон молебны ни к чему.
Мучительно и тесно на просторе
вселенских нив, Господь! Да и пойму ль,

чем плох я в счастье, в горе — чем отличен.
Душе воздастся ль по её делам...
Сфинкс не пустыней — нами обезличен.
Ткань мироздания трещит по хлипким швам.

И дело швах! Да есть ли — это дело...
И вглядываться в глинистую мглу
могилы Бытия — опасно ли, смело, —
бессмысленно. И смерть свою иглу

готовит загодя. Любезная подруга
всегда таится рядом, за спиной,
подталкивая и тесня по кругу —
поближе к яме — дружеской рукой.

«Следы полуулыбки зыбки...»

Следы полуулыбки зыбки.
Младенец плачет в зыбке. Скрипки
печальным звукам не дано
вспять раскрутить веретено

сует и связей беспричинных.
И чинно дни минуют мнимых

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.